

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.035

УДК 314.15:94(4) + 94(569.4) + 821.162.1-1 +
+ 130.2 + 82'42**Валентина Круповес***Естественно-гуманитарный
университет в г. Седльце*
Седльце, Польша

ЧУЖОЙ ГОРОД: ВИЛЬНЮССКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ КВАРТАЛ В ПОЛЬСКИХ ТЕКСТАХ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

В статье анализируются культурные представления о Вильнюсском гетто и методы их категоризации в польскоязычных текстах межвоенного периода: в туристических справочниках, фельетонах и стихах. В текстах вильнюсских авторов — Юлиуша Клоса, профессора Вильнюсского университета, поэтов Витольда Гулевича и Константина Галчинского — гетто определяется через призму разных категорий культуры. В ракурсе модернистских процессов оно охарактеризовано как средневековое и хаотичное городское пространство, требующее современного переустройства; в ракурсе пикториальной эстетики — как живописная часть города; в ракурсе гетерогенности — как городская гетеротопия и в ракурсе повседневности — как пространство, насыщенное мелкой торговлей, оживленными житейскими отношениями, выделяющееся на фоне остальной части города. В статье подчеркивается, что образ Вильнюса как городской гетеротопии в определенной степени формировался извне, в том числе авторами немецких путеводителей, изданных во время оккупации города в Первую мировую войну, а также иностранцами, посещавшими Вильнюс в межвоенный период. Они являлись «иным» наблюдателем, в их текстах гетто представлено как часть городского пространства, интригующая своеобразностью. Замеченная «иным» специфика и особенность гетто повлияли на восприятие города отдельными представителями польской интеллигенции. Изображения вильнюсского гетто выявляют мировоззрение, идеи, идеологию и, в некоторой степени, эстетические предпочтения авторов, для которых гетто было чужим городом. Особую позицию занимал Ежи Вышомирски — писатель и журналист, познающий пространство гетто, изучающий идиш и иврит и относящийся к еврейскому миру с соседской доброжелательностью. Тем самым он устранял формы отчуждения, что позволило включить гетто в общее представление о городе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: вильнюсское гетто; городская гетеротопия; модернизация; культурные представления; чуждость; инаковость; польская поэзия

Ц и т и р о в а н и е: *Круповес В.* Чужой город: вильнюсский еврейский квартал в польских текстах межвоенного периода // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 205–216. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.035>

Поступила в редакцию: 02.01.2021

Принята к печати: 15.04.2021

Walentyna Krupowies

Siedlce University of Natural Sciences and Humanities
Siedlce, Poland

ALIEN CITY: THE VILNIUS JEWISH GHETTO IN POLISH TEXTS OF THE INTERWAR PERIOD

This article analyses the cultural images of the Vilnius ghetto and the methods of its categorisation in Polish-language texts of the interwar period in tourist guides, feuilletons, and poetry. In the texts of the Vilnius authors, Julisz Kłos, professor of Vilnius University, poets Witold Hulewicz and Konstanty Gałczyński, the ghetto is defined in terms of modernity as a medieval and chaotic urban space that requires modernisation; in terms of pictorialism as a picturesque part of the city; in terms of heterogeneity as an alien space creating an urban heterotopia, and as a space of everyday life, specific for the whole of Vilnius. The article emphasises the fact that the image of Vilnius as an urban heterotopia was shaped by foreigners, including authors of German guides of the World War I years and subsequently by foreign guests visiting Vilnius in the interwar period. In their texts, the ghetto appears as an intriguing part of the city space. Noticed by a foreigner who played the role of the “other”, the specificity and originality of the ghetto influenced the perceptions of the city by some representatives of the Polish intelligentsia. The textual image of the Vilnius ghetto reveals the beliefs, worldviews, images, ideology, and to some extent the aesthetic inclinations of the authors for whom the ghetto was an alien city. A different attitude was represented by Jerzy Wyszomirski, a writer and journalist who comprehended the space of the ghetto, its languages, Yiddish and Hebrew, and treated the Jewish world with kindness as neighbourly and familiar, thus eliminating the structures of otherness that allowed the ghetto to be incorporated into the general idea of the city.

Key words: Vilnius ghetto; urban heterotopia; modernisation; cultural images; foreignness; otherness; Polish poetry

For citation: Krupowies, W. (2021). Chuzhoi gorod: vil'niusskii evreiskii kvartal v pol'skikh tekstakh mezhvoennogo perioda [Alien City: The Vilnius Jewish Ghetto in Polish Texts of the Interwar Period]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 205–216. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.035>

Submitted: 02.01.2021

Accepted: 15.04.2021

Введение

Классик польской литературы, лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош в предисловии к книге, посвященной известному еврейскому поэту Аврому Суцкеверу, утверждал, что довоенный Вильнюс нужно считать польско-еврейским городом [Miłosz, 2004, s. 7]. В этот период Вильнюс не был единым городом и следует говорить о существовании двух разных городских пространств и отдельных,

чуждых миров: религиозных, языковых, социокультурных. Ч. Милош прокомментировал чуждость между поляками и евреями того времени и незнание поляками еврейской литературы с некоей иронией: поэт с изумлением вспоминал, что он так же, как и весь нееврейский Вильнюс, отличался «незнанием книг, создаваемых на идиш в нескольких переулках от места» [Miłosz, 2004, s. 7], в котором он жил в довоенное время. Нет оснований не доверять воспоминаниям Милоша и его убеждениям в том, что представления поляков о еврейском Вильнюсе в значительной степени являлись не более чем набором стереотипов и клише.

В период между Первой и Второй мировыми войнами в Вильнюсе были районы, в которых проживали исключительно евреи. Такой территорией являлся еврейский квартал (гетто), который находился в центре старого Вильнюса, в пределах улиц Великой, Немецкой и Доминиканской. В польском культурном дискурсе того времени формировались разные образы еврейского гетто, и они не всегда были стереотипны. Эти образы можно реконструировать на основе отдельных текстов разных авторов довоенного времени — писателей, поэтов, публицистов, деятелей культуры.

Представления о Вильнюсе в этих текстах, усиленные религиозными, культурными и языковыми различиями их авторов, создавали образ города своеобразного, особого и даже экзотичного. Благодаря Э. Саиду и другим исследователям «воображаемой географии» [Said; Todorova; Škrabec], мы знаем, что текстовые репрезентации иных культур и территорий скрывают убеждения, взгляды, мировоззрения авторов текстов. Несомненно, образ еврейского квартала в польской литературе строился из представлений, мнений, а также идей, доминирующих в польском культурном дискурсе. Этот образ мы находим в довоенных путеводителях, стихах, а также в очерках и фельетонах, в которых представлена фигура городского жителя, интеллигента и одновременно чуткого наблюдателя жизни города. Его внимание привлекает еврейский квартал, и он старается понять инаковость этого рядом расположенного, но чужого города.

Гетто в воображении польской интеллигенции

В самом известном и читаемом путеводителе межвоенного периода, автором которого был Юлиуш Клос [Kłos, s. 195–198], профессор Вильнюсского университета, описание гетто получилось кратким и поверхностным. Духовным центром еврейского мира и одновременно самым величественным сооружением была Большая синагога. Но Большая синагога привлекла внимание польского профессора только из-за своей классической галереи, расположенной наверху главного фасада, и из-за интерьера, стилизованного под вильнюсское рококо. Точно так же интерьер синагоги был представлен несколькими годами ранее в путеводителе Вацлава Студницкого [Studnicki, s. 46], который заметил, что синагога напоминает интерьеры вильнюсских костелов. Если соотнести описание польских авторов с немецким путеводителем времен Первой мировой войны, то становится очевидно, что кое-что они пропустили. Немецкий автор Пауль

Вебер описал интерьер синагоги более детально и обратил особое внимание на восточный орнамент, не изображенный польскими авторами [Weber]. И Клос, и Студницки отметили и кратко описали исключительно те художественные элементы, которые позволили включить Большую синагогу в культурно-художественную парадигму европейской архитектуры и таким образом признать ее архитектурным памятником Вильнюса.

Доминирование культурных представлений тогдашней польской интеллигенции о Вильнюсе как о «продукте» латинского духа иногда приводило к полному исключению пространства гетто из их трудов. Описание гетто не вошло также и в памятную брошюру Чеслава Янковского, посвященную архитектуре Вильнюса. Автор восхищался архитектурным пространством города и эмфатически восклицал: «Какое это все... римско-романское!» [Jankowski, s. 12]. Известный фотограф-художник того времени, Ян Булгак, в своем путеводителе «Странствия фотографа» только в сноске к основному тексту упомянул о существовании еврейского Вильнюса [Bułhak, 1936, s. 9].

Нужно подчеркнуть, что иногда в прессе появлялись мнения, призывающие к изменению такого положения вещей. К примеру, главный редактор польской ежедневной газеты «Słowo» писал: «...мы живем бок о бок, евреи знают о нас всё, а мы ничего о них не знаем. Время от времени нужно пробивать эту стену» [Cat-Mackiewicz, s. 1]. Стратегию замалчивания четко иллюстрируют радиопередачи «День Вильнюса» [Hulewicz, 1929]. Трансляция по вильнюсскому радио была организована 12 декабря 1929 г. и длилась целый день. Концерты и передачи, посвященные городу, транслировались по всей стране, но программ, посвященных еврейскому Вильнюсу, не было. Этот день с горькой иронией был прокомментирован в еврейской прессе:

Как Вильнюс выглядит на радио в «эксклюзивной вильнюсской программе»? Понятно, что Вильнюс — это не только Базилика и Замковая гора. В Вильнюсе находятся также синагоги, еврейское гетто с его улицей Стеклойной и еврейский «Дом культуры» <...>. Но в «День вильнюсского радио» произошло частичное солнечное затмение, и эта часть Вильнюса не была замечена. <...>. В «Вильнюсский день» солнце светило и согревало только хозяев [Przegląd prasy żydowskiej, s. 10–11].

Это замалчивание во многом напоминает антропоэтическую стратегию преодоления чуждости, описанную Леви-Строссом [Lévi-Strauss], заключающуюся в отторжении чужого. В данном случае стратегия заключалась в том, чтобы исключить всякую инаковость из культурного и символического пространства города: не только гетто или синагоги, но и церкви.

С другой стороны, известно, что Булгак фотографировал не только памятники архитектуры, но и городское пространство в целом. Его творчество включает в себя многочисленные фотографии гетто, особенно того периода, когда он задокументировал Вильнюс для городского фотоархива, которым руководил [Bułhak, 1939, s. 71–72]. Эти фотографии во многом сформировали образ Вильнюса и восприятие городского пространства довоенной вильнюсской

интеллигенцией. Фотографии гетто, сделанные Булгаком, демонстрируют экстремальный взгляд, прошедший через фильтр пикториальной эстетики, основанной на категории живописности. Фотограф, будучи внешним наблюдателем, не принадлежащим к еврейской общине, воспринимает гетто как запутанный лабиринт (одно из наиболее часто используемых сравнений) извилистых переулков, соединенных аркадами, визуально привлекательных и чрезвычайно живописных. Он находит необходимые точки обзора, позволяющие рассмотреть улицы гетто в наиболее подходящем ракурсе и в итоге получить визуально привлекательные изображения. Одно из таких мест упоминается и Клосом, это площадь на пересечении Стеглянной, Клочки, Еврейской и Доминиканской улиц [Kłos, s. 195]. С южной стороны площадь ограничена характерным, слегка «волнистым» фасадом здания. Можно предположить, что место, которое Клос считал достойным внимания из-за открывающегося вида на несколько самых живописных переулков гетто, нашел в свое время и Булгак, о чем косвенно свидетельствует фотография, датируемая 1912–1915 гг. [Bułhak, 2013, s. 50].

Позиция внешнего наблюдателя, обрамляющая пространство гетто, исключала эмпатическое и антропологически-познавательное участие. Выбранные фотографом точки наблюдения, которые можно отметить на довоенной карте Вильнюса, определили символические рубежи. Позади них уже было пространство инаковости, и точная ориентировка в нем была доступна только тому обществу, которое его населяло. Такое положение дел хорошо иллюстрирует пример переулка Рамайлес, который находился между Мясницкой и Еврейской улицами и был важным внутренним коммуникационным трактом жителей гетто [Аграновский, Гузенберг, с. 69–70]. Однако он не был отмечен на официальном плане города, а топоним Рамайлес функционировал исключительно в еврейском сообществе и знаменовал важную фигуру в религиозной жизни общины. Итак, гетто — это мир ворот, проходов, дворов, внешних винтовых лестниц, железных лестниц, ведущих на чердаки, ступеней, ведущих в подвалы, многочисленных хозяйственных построек [Граде]. Этот мир — тесный, бедный, лишенный зелени, обширных видов, открытого пространства, — оставался во многом чуждым, неузнаваемым, более того, знакомство польской интеллигенции того времени с этим миром казалось излишним.

Новые методы категоризации пространства гетто сложились под влиянием модернизационных концепций. Гетто, населенное беднейшей частью еврейской общины Вильнюса, представляло собою все то, что, согласно идее модернизации, должно было коренным образом измениться. Такие концепции, как всеобщий прогресс, развитие «городской гигиены», основанной на сооружении канализации, строительстве светлых, просторных и дешевых квартир, популяризации физической культуры и т. д., должны были привести к созданию условий жизни, подходящих для современного человека, который должен жить в обществе «здоровом и рациональном» [Rottenberg, s. 10–11].

Убеждения, которые занимали важное место в модернизационной парадигме в 1920-е и 1930-е гг., такие как гигиена, здоровое и крепкое тело,

функционировали в языке на уровне выражений, фраз, формулировок. Появлялись они и в культурном дискурсе, присутствовали в поэзии. К примеру, высказывание Клоса о гетто раскрывает его модернистские идиосинкразии по отношению к старому миру. Он не рекомендует туристам ходить в эту часть города, поскольку «типично восточная неряшливость жителей этого антигигиенического района и его невыносимая духота не позволяет... культурному европейцу посещать эти переулки» [Kłos, s. 196]. В стихотворении Витольда Гулевича «Гетто» модернистские убеждения формируют метафоры, образы, композицию. Стихотворение было напечатано в сборнике «Город под облаками» [Hulewicz, 1996, s. 35], где еврейское городское пространство и жители представлены в ракурсе модернизации. Композиция произведения основана на противопоставлении: на одном полюсе находится пространство гетто и его жители, изображенные как представители старого мира, на другом полюсе расположены признаки современности, заметные и в провинциальном тогда Вильнюсе, среди которых стремящаяся к эмансипации молодежь. В стихотворении Гулевича нет и следа колоритности: гетто — это не очаровательные извилистые улочки, а деформированные «артритные переулки» с кривыми многоквартирными домами, которые «рушатся друг на друга» [Ibid.]. С помощью таких приемов, как анимация, перечисление, гипаллаж поэт изображает жителей, страдающих болезнями, типичными для бедных и многолюдных кварталов. Прохожего «атакует» сенсориум гетто: он чувствует зловоние, видит нищету, мутные сточные воды и крыс — переносчиков и возбудителей болезней в грязных городах. Стесненное пространство, лишённое солнца и радости, определяет жизнь, застывшую в мертвой точке времени: «Время грязно в сточных водах застывает» [Ibid.]. Жители сливаются с болезнетворной средой и превращаются в хрипы в гортани. Этот мир бедных людей, скованных многовековой традицией, несовместимой с новыми временами и, следовательно, прозябающих вне основного русла жизни, вызывает сострадание. Лекарственным средством от болезней старого мира являются новые времена, которые в последней строфе олицетворяет молодая девушка — образованная, энергичная, ориентированная на будущее и представляющая первое поколение, желающее разорвать узы традиционного образа жизни: она любит стихи, интересуется современным искусством «и знает, что такое новая музыка» [Ibid.].

Парадоксальным образом, взгляд на гетто, опосредованный модернистскими идеями, в определенном смысле поставил его за пределы еврейства. Оно выглядит как традиционный квартал со средневековой планировкой улиц, тесной застройкой, перенаселенностью, явственным недостатком жизненного пространства и поэтому отвечает основным условиям модернистского художественного воображения: гетто — это пространство, предназначенное для изменений согласно идее социального прогресса, независимо от того, населяют ли его последователи иудаизма или любой другой религии.

В рамках польского дискурса о Вильнюсе существовал образ города, в создание которого внесли свою лепту и иностранцы. Важным периодом в этом

отношении была немецкая оккупация Вильнюса во время Первой мировой войны. В те годы были опубликованы упомянутые выше путеводители немецких авторов [Michaelis; Weber], открывших для своего читателя «забытый город искусства». Вильнюс в немецких текстах является городом своеобразным и самобытным, где сосуществуют Восток и Запад, а его таинственная как Сфинкс уникальность является результатом гибридности городского пространства.

В межвоенный период Вильнюс воспринимался польской интеллигенцией в ракурсе неоднородности во время визитов иностранцев, в том числе А. Дёблина, Б. Линде, Э. Керн [Wrażenia cudzoziemca z Wilna]. Произведения этих авторов, их статьи, публичные высказывания, а также комментарии, сделанные в частной беседе и цитируемые в польской прессе, независимые от внутренних споров и раздела на польский, еврейский, литовский Вильнюс, так или иначе проникали в польское восприятие города. Писатель Юзеф Мацкевич в своей рецензии на путеводитель Мариана Хепке отмечал: «Иностранцы смотрят со стороны и могут высказывать объективные мнения. Поэтому, повторяю, их комментарии ценны» [Mackiewicz, s. 363].

Восприятие Вильнюса как образцовой гетеротопии [Foucault; Kvietkauskas] изменяло статус гетто: оно становилось одним из ключевых кварталов города, определявших самобытную, уникальную гетерогенность Вильнюса в целом. В довоенных фельетонах и очерках вильнюсских писателей и журналистов Юзефа Мацкевича и Ежи Вышомирского появляется не названная по имени и фамилии фигура иностранца, который восхищается гетто. Е. Вышомирски писал: «Я как-то беседовал со швейцарцем. По-настоящему культурный... человек: стопроцентный западноевропейский журналист, как не задать ему банальный вопрос: — Что вам больше всего понравилось в Вильнюсе? — Что? Все уже знают. Да, гетто, гетто...» [Wyszomirski, 1932a]. Иностранец с особым взглядом на город играет роль Другого. Ссылаясь на его высказывания, автор фельетона показывает, что польские представления о Вильнюсе как о городе исключительно латинской культуры сложились вследствие игнорирования инаковости или ее вытеснения. Вышомирски занимал прагматичную позицию и положительно оценивал гетерогенность городского пространства. Он считал, что поскольку гетто формирует самобытность и своеобразие Вильнюса, то оно не должно относиться к сфере чуждости: «И когда я слышу, что иностранец ощущает что-то еврейское или русское в Вильнюсе, это меня не раздражает и не возмущает. Эти элементы в Вильнюсе существуют. Нет необходимости искоренять их. Напротив, их можно идеально использовать для популяризации города» [Ibid.].

Е. Вышомирского следует считать одним из немногих интеллигентов довоенного Вильнюса, который усиленно старался понять своеобразие еврейской культуры и был открыт для не поверхностных отношений: «Более глубоким пониманием евреев я обязан дружбе с Любецким» — признавался журналист [Śmigielski, s. 82]. Несомненно, он преодолел границу чуждости в символическом и культурном смысле, когда изучал идиш и иврит. Он, житель Вильнюса и журналист «Słowo», часто бродил по городу, изучал его гетеротопию

и начинал воспринимать гетто как место, глубоко укоренившееся в городской структуре. В статье, которая была опубликована в варшавском еженедельнике «Wiadomości Literackie», Вышомирски назвал Вильнюс «городом противоречий» [Wyszomirski, 1934], имея в виду не только социальное расслоение, но и национальное разнообразие, запечатленное в исторически сложившейся ткани города. Извилистые переулки, дворы и дворики, соединенные многочисленными переходами типа анфиладных интерьеров, связанные аркадами дома — это один из образов Вильнюса того времени, и нужно подчеркнуть, что гетто являлось квинтэссенцией старого города, особенно тех кварталов, где проживала неимущая часть населения. Вышомирски, описывая Вильнюс в целом и гетто в частности, отказался от публицистического стиля. В его статье появляются метафорические эпитеты, поэтические сравнения, некоторые образы становятся символическими. Гетто характеризуется «старостью, плесенью, сыростью, мшистостью» [Ibid.], которые «очаровательны и загадочны». Эпитеты относятся одновременно и к настоящему гетто, и к гетто, изображенному на картинах художника Бронислава Ямонта. Культурно опосредованное описание, в котором интерпретация художественных изображений города пронизана фактографичностью, способствовало неординарности взгляда на гетто. «Мрачные тени контрастируют с яркими пятнами света, как в наших переулках, где солнце изо всех сил пытается проникнуть в зигзагообразные овраги. Если на этих картинах появляется человеческая фигура, то это обычно старый еврей или бедная торговка: потому что такие люди живут в этих темных и старых переулках...» [Ibid.]. Приведенное описание сохраняет колорит и в то же время соответствует эмпирическому опыту этой части города.

Стоит упомянуть и факт физического преодоления грани чуждости Вышомирским, когда он посетил Большую синагогу и оставил текстовое свидетельство о входе в чужой мир. Очерк под названием «Посещение синагоги» [Wyszomirski, 1932b] был опубликован в октябре 1932 г. в вильнюсской прессе и открывал для польского читателя неизведанный мир, который находился рядом. Время визита выбрано не случайно: Вышомирски пришел в Вильнюсскую синагогу в еврейский праздник Йом Кипур, хотя в своем тексте он применяет термин Судный день. Автор был доброжелательным и несомненно заинтересованным, но все-таки посторонним наблюдателем, который пытался передать в публицистическом тексте религиозно-мистический характер происходящего. Его метод объяснения религиозного таинства во многом напоминает прием Альфреда Дёблина, который в книге о путешествии по Польше в 1924 г. воссоздал христианское богослужение в Вильнюсе [Döblin]. Дёблин детально описывал священнодействие, но не пытался раскрыть религиозное значение жестов, знаков. Вышомирский тоже не раскрывает значения Дня искупления в иудаизме, а свое описание представляет в виде поэтической прозы. Покаянный характер праздника передан изображением мрачного, дождливого октябрьского вечера: «Дождь и туман — это прекраснейшая декорация для трагических молитв» [Wyszomirski, 1932b]. Литературная традиция, в которой пейзаж или природа и природные явления

представляют внутренний мир человеческих переживаний, духовных или эмоциональных состояний, замещает экзегезу и журналистскую пытливость. Большую синагогу пронизывает «звонкий и теплый голос кантора», ему отвечает гулкий хор собравшихся людей, и эта общая молитва создает мистическое единство многовековых стен и толпы, погруженной в молитвенное чтение псалмов.

Вильнюсское гетто как повседневное жизненное пространство

Мариан Хепке, немецкоязычный автор, до войны живший в Польше, совершив поездку в Вильнюс, издал книгу, в которой определил геокультурные координаты города как его места между Востоком и Западом [Хепке, s. 74–77]. Образ гетто в его книге путешествий — это прежде всего «своеобразный торговый район» с множеством магазинов, лавок, ларьков, где с раннего утра до позднего вечера кипела жизнь, динамичная и суетливая. Сфера торговли, обмена и покупок была частью повседневного быта, и несомненно в повседневной жизни поддерживались отношения между еврейской и нееврейской общинами Вильнюса. Такой вид общения подтверждают и воспоминания писателей, в довоенное время живших в Вильнюсе: в автобиографическом тексте Чеслава Милоша, его поэме «Безымянный город», а также в рассказах Авраама Карпиновича, появляется персонаж Соры Клок — хозяйки галантерейного магазина, где они оба делали покупки [Miłosz, 1990, s. 25; Karpinovičius, s. 143]. В этом контексте становится понятным несколько провокационное желание Карпиновича, выраженное с явной меланхолией, увековечить в современном Вильнюсе еврейских владельцев магазинов, пекарен, аптек, кафе и т. д., поскольку именно в этих местах повседневная жизнь гетто бурлила наиболее интенсивно [Karpinovičius, s. 143].

Пространство вильнюсского гетто в контексте повседневной жизни было показано и в произведениях известного польского поэта Константина Галчинского, созданных им в Вильнюсе, прежде всего в стихотворении «Вильно, улица Немецкая» [Gałczyński]. Название произведения состоит из двух топонимов и, таким образом, указывает на конкретное место в городе. Но это название имеет одновременно и обобщающий метонимический характер и относится как бы ко всем улицам еврейского Вильнюса. Улица Немецкая отличалась интенсивностью городской жизни, непрекращающейся торговлей, избытком вывесок и рекламы, городской суетой, громким зазыванием уличных торговцев, а также перенаселенностью этой части города. Галчински описывает улицу, населенную мелкими торговцами и ремесленниками, борющимися со своим трудным экономическим положением. Стихотворение было написано в 1935 г., когда город еще полностью ощущал последствия мирового кризиса в виде бедности, безработицы и нарастающих националистических и антисемитских настроений. Произведение вписывается в период преобразования литературной тематики, характеризующийся смещением в сторону социальных проблем. Используя такие средства, как коллаж, цитаты из прессы, услышанные высказывания и отрывки разговоров горожан, автор создает образ низших социальных слоев,

состоящий из мелких торговцев и ремесленников, изо всех сил пытающихся обеспечить выживание своей семьи во время «кризиса, ступающего словно смерть с косой» [Gałczyński, s. 316].

В творчестве Галчинского Вильнюс представлен мелкобуржуазным и даже плебейским городом, в котором «доминируют» извозчики со своими повозками, дешевые трактиры, уличные торговцы. Образ гетто дополняет общий образ Вильнюса, болезненно пострадавшего от кризиса, и гармонирует с ним. Среди бедных жителей значительную часть составляли «евреи с улицы Гаона, Стекланной, Мыльной, Двойной улиц, живущие за счет ремонта кукол и изготовления галош» [Ibid.]. Социальный и классовый контекст 1930-х гг. был подчеркнут персонажем Зыскиндом, фамилия которого, вероятнее всего, является каламбуром подлинной фамилии предпринимателя Залкинда — владельца торгового дома вблизи Немецкой улицы.

Образ Немецкой улицы, на которой происходит мелкая уличная торговля, дополняется высказываниями о ней нееврейского населения и соответствующими аллюзиями. Ярким примером являются эпитеты из первых строк стихотворения: 1) «коварная» — отголосок расхожего мнения о том, что можно легко стать жертвой мошенничества при совершении покупок в еврейских лавках; 2) «разбойническая» — характеристика, отражающая представление об опасности еврейской части города для других жителей. Дальше в стихотворении появляется строгое предостережение: «В Вильнюсе, по улице Немецкой / не гуляй, малыш-христианин» [Ibid.], которое, по сути, является уличной присказкой и ассоциируется с традиционным обвинением евреев в том, что они используют кровь христианских детей для своих обрядов. В связи с этим возникает вопрос о позиции автора, и следующие строфы косвенно дают на него ответ. Ребенка могут напугать исключительно «вывески с изображением тигра, скалящего зубы», а единственным пострадавшим является бедный продавец чая, жертва недобросовестного конкурента, который «распространяет слух, что чай сделан из клопов». Автор внимательно воспроизводит уличную речь, идентифицируя нееврейские изречения, пропитанные недоверием, а также еврейские, отмеченные чувством тщетности и горечи: «Что я пойду продавать? Облака с луной?» [Ibid.].

Образ пространства вильнюсского гетто в польских текстах межвоенного периода формировался из сочетания убеждений, мировоззрений, индивидуальных культурных представлений, господствовавшей идеологии и, в некоторой степени, из эстетических пристрастий авторов. В рассмотренных текстах гетто существует как «город внутри города», город иной, своеобразный, во многом чуждый. Свообразие гетто проявлялось прежде всего в контексте повседневной жизни, определяющейся характером деятельности его жителей, ведущих активную уличную торговлю. Торговая активность и городской гул отличали гетто от несколько сонной, тихой атмосферы города, о чем свидетельствуют упоминаемая в статье книга М. Хепке и автобиографические тексты писателей Ч. Милоша и А. Карпиновича. Чуждость гетто проявлялась на нескольких уровнях: цивилизационном, культурном, религиозном, языковом. Отчуждение

было структурой прочной и устойчивой, уходящей корнями глубоко в прошлое и с трудом поддающейся преобразованию. Значимость рассмотренных литературных произведений и других текстов состоит прежде всего в том, что они свидетельствовали о необходимости изменений, трансформации идеологических структур чуждости в среде польской интеллигенции того времени. Авторы этих текстов, особенно Ежи Вышомирски, изображали гетто как неотъемлемую часть гетеротопии города, включали его в общие культурные и символические представления о городе и таким образом противостояли восприятию гетто как чуждого мира.

Источники

- Граде Х.* Мамины субботы / пер. с идиша В. Чернина. М. : Книжники, 2012.
- Bulhak J.* Wędrówki fotografa w słowie i obrazie. Pejzaż Wilna. Wilno : Przegląd Fotograficzny, 1936. T. VIII–IX.
- Bulhak J.* Dwadzieścia sześć lat z Ruszczycem. Wilno : S. Turski, 1939.
- Bulhak J.* Vilnius, II knyga, sud. Jūratė Gudaitė. Vilnius : Lietuvos Nacionalinis Muziejus, 2013.
- Cat-Mackiewicz S.* Żydzi wileńscy // Słowo. 1932. Nr 167. S. 1–2.
- Döblin A.* Podróż po Polsce / przeł. A. Wołkowicz, posł. H. Grynberg. Kraków : Wydaw. Literackie, 2000.
- Gałczyński K. I.* Dzieła : w 5 t. T. 2 : Poezje / red. K. Gałczyńska, B. Kowalska. Warszawa : Czytelnik, 1979.
- Hepke M.* Wilno. Stadt zwischen Ost und West : Reisebilder. Bromberg ; Bydgoszcz : W. Johne, 1935.
- Hulewicz W.* Dzień Wilna w radio wileńskim // Słowo. 1929. Nr 287. S. 3.
- Hulewicz W.* Miasto pod chmurami. Warszawa : Oficyna Literatów i Dziennikarzy Pod Wiatr, 1996.
- Jankowski C.* Gościom Wilna ku pamięci. Wilno : Nakładem i drukiem Ludwika Chomińskiego, 1927.
- Karpinovičius A.* Paskutinis Vilniaus pranašas / vertė C. Smoliakovas. Vilnius : Tyto alba, 1998.
- Kłos J.* Wilno : przewodnik krajoznawczy. Wilno : Wydaw. Wileńskiego Oddziału Polskiego Towarzystwa Turystyczno-Krajoznawczego, 1937.
- Michaelis P.* Kurland und Litauen in deutscher Hand. Berlin ; Steglitz : Fritz Würtz, 1917.
- Miłosz C.* Dykcyonarz wileńskich ulic // Miłosz C. Zaczynając od moich ulic. Wrocław : Wydaw. Dolnośląskie, 1990. S. 9–30.
- Miłosz C.* Przedmowa // Katz D. Wilno Jerozolimą było. Rzecz o Abrahamie Sutzkeverze. Sejny : Pogranicze, 2004. S. 5–12.
- Przegląd prasy żydowskiej // Przegląd Wileński. 1930. Nr. 1. S. 10–11.
- Studnicki W.* Wilno : przewodnik. Wilno : Nakładem i drukiem Ludwika Chomińskiego, 1921.
- Weber P.* Wilna. Eine vergessene Kunststätte. Wilno : Verl. der Zeitung der 10. Armee, 1917.
- Wrażenia cudzoziemca z Wilna // Przegląd Wileński. 1931. Nr 1–2. S. 2–5.
- Wyszomirski J.* Nigdzie poza Wilnem // Słowo. 1932a. Nr 285. S. 4.
- Wyszomirski J.* Odwiedziny Synagogi // Słowo. 1932b. Nr 257. S. 5.
- Wyszomirski J.* Miasto kontrastów // Wiadomości Literackie. 1934. Nr 33. S. 8.

Исследования

- Аграновский Г., Гузенберг И.* Вильнюс: по следам Литовского Иерусалима. Памятные места еврейской истории и культуры. Vilnius : Гос. еврейский музей им. Виленского Гаона, 2011.
- Foucault M.* Inne przestrzenie / przekł. A. Rejniak-Majewska // Teksty Drugie. 2005. Nr 6. S. 117–125.

Kvietkauskas M. Heterotopia międzywojennego Wilna: dyskursy krajoznawcze i literackie // *Żagary. Środowisko kulturowe grupy literackiej* / pod red. T. Bujnickiego, K. Biedrzyckiego, J. Fazana. Kraków : UNIVERSITAS, 2009. S. 209–227.

Lévi-Strauss C. Smutek tropików / przeł. A. Steinsberg. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960.

Mackiewicz J. Czy wielka zagadka Wilna? // Mackiewicz J. *Bulbin z jednosielca*. Londyn : Kontra, 2001. S. 360–363.

Rottenberg A. Postęp i higiena // Postęp i higiena. *Progress and Hygiene : katalog* / pod red. A. Rottenberg. Warszawa : Zachęta – Narodowa Galeria Sztuki, 2014. S. 10–21.

Said E. Orientalizm / przeł. M. Wyrwas-Wiśniewska. Poznań : Zysk i S-ka, 2003.

Škrabec S. Geografia wyobrażona. Koncepcja Europy Środkowej w XX wieku / przeł. R. Sasor. Kraków : Międzynarodowe Centrum Kultury, 2013.

Śmigielski T. Między Wilnem a Łodzią. Życie i twórczość Jerzego Wyszomirskiego (1897–1955). Wysokie Mazowieckie : Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im. Wagów, 2006.

Todorova M. Bałkany wyobrażone / tłum. P. Szymor, M. Budzińska. Wołowiec : Wydaw. Czarne, 2008.

References

Agranovski, G., & Guzenberg, I. (2011). *Vilnius: Po sledam Litovskogo Ierusalima. Pamiatnye mesta evreiskoj istorii i kultury* [Vilnius: In the Footsteps of Lithuanian Jerusalem. Memorable Places of Jewish History and Culture]. Vilnius: The Vilna Gaon Lithuanian State Jewish Museum.

Foucault, M. (2005). Inne przestrzenie (A. Reynak-Mayewska, Trans.). *Teksty Drugie*, 6, 117–125.

Kvietkauskas, M. (2009). Heterotopia międzywojennego Wilna: dyskursy krajoznawcze i literackie. In T. Bujnicki, K. Biedrzycki, & J. Fazan (Eds.), *Żagary. Środowisko kulturowe grupy literackiej* (pp. 209–227). Kraków: UNIVERSITAS.

Lévi-Strauss, C. (1960). *Smutek tropików* (A. Steinsberg, Trans.). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Mackiewicz, J. (2001). Czy wielka zagadka Wilna? In J. Mackiewicz, *Bulbin z jednosielca* (pp. 360–363). London: Kontra.

Rottenberg, A. (2014). Postęp i higiena. In A. Rottenberg (Ed.), *Postęp i higiena. Progress and Hygiene: katalog* (pp. 10–21). Warszawa: Zachęta – Narodowa Galeria Sztuki.

Said, E. (2003). *Orientalizm* (M. Wyrwas-Wiśniewska, Trans.). Poznań: Zysk i S-ka.

Škrabec, S. (2013). *Geografia wyobrażona. Koncepcja Europy Środkowej w XX wieku* (R. Sasor, Trans.). Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury.

Śmigielski, T. (2006). *Między Wilnem a Łodzią. Życie i twórczość Jerzego Wyszomirskiego (1897–1955)*. Wysokie Mazowieckie: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im. Wagów.

Todorova, M. (2008). *Bałkany wyobrażone* (P. Szymor, & M. Budzińska, Trans.). Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.

Круповес Валентина

кандидат филологических наук, адъюнкт
Институт языкознания
и литературоведения
Естественно-гуманитарный университет
в г. Седльце
ul. Konarskiego, 2,
08-110 Siedlce, Polska
E-mail: vakru@onet.eu

Krupowies, Walentyna

PhD (Philology), Assistant Professor
Institute of Linguistics and Literary Studies
Siedlce University of Natural Sciences
and Humanities
2, Konarskiego Str., 08-110 Siedlce, Poland
Email: vakru@onet.eu
<https://orcid.org/0000-0003-1013-7708>